

Элеонора Кондратюк

Элеонора

Я выбрала жизнь

Москва · «Никея» · 2018

Содержание

<i>От автора</i>	9
До и после.....	15
В Краснодар.....	25
Развенчание мифов.....	32
Реанимация.....	46
Жизнь на волоске.....	51
Перевод в отделение.....	57
Жизнь с чистого листа.....	61
Кровавые слезы.....	66
Поездка домой.....	68
Надежда.....	73
Окрыляющая поддержка.....	78
Разочарование.....	82
Прощеное воскресенье.....	84
Не делайте мне больно, господа!.....	87
Германия.....	92
Кошмар длиной в полтора месяца.....	96
«Умереть от жажды, когда оазис уже на горизонте».....	101
Трагическая весть.....	105

Работа души.....	109
Зрение!	111
Зеркало.....	116
Отдых	121
Двадцатилетие.....	128
Мучительный вопрос.....	132
День рождения на операционном столе	138
Причины неудач.....	148
Верните мне крылья	151
Лечение любовью.....	156
Боже, дай мне терпение!.....	162
Вновь обретенное зрение.....	165
Долгожданная самостоятельность.....	168
Психология	170
Интеграция в жизнь.....	175
Дальнейшее восстановление	182
«Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!»	184
Заезженная пластинка.....	186
Чуткость	189
Новый этап	190
Самореализация	192
Любимая работа	196
Вперед!	198
Вернисаж	200
Операция	203
Новая жизнь.....	205
Эврика!	210
Держи меня, соломинка.....	213

Опасность миновала	220
Исцеляющий бальзам	223
Рывок вперед.....	226
Жажда жизни	228
<i>Послесловие.....</i>	<i>234</i>
<i>Благодарность</i>	<i>237</i>

Опыт — это не то, что происходит с человеком,
а то, что делает человек с тем, что с ним происходит.

О. Хаксли

От автора

Мне непросто далось решение о написании этой книги. Я особенно дорожила тем спокойствием, которого удалось достичь с большим трудом, после столь громкого резонанса, бесконечных пересудов и крикотолков, поглощающих последние капли душевных сил и вовсе не помогающих в восстановлении.

Мои надежды, что со временем все забудется и канет в Лету, оказались напрасными. Чем больше проходило времени, тем более настойчивыми и регулярными со стороны СМИ становились предложения и просьбы рассказать о себе: «А что стало? Удалось ли восстановиться?» Вплоть до вопроса: «Жива ли?»

Но я была не готова лишаться покоя, не считала нужным. В то же время понимала, что всю жизнь отгораживаться не получится, рано или поздно придется решаться, но

только не ради удовлетворения праздного любопытства!..

Единственный аргумент, который повлиял на мое решение поделиться своим нелегким опытом, — мысль о том, что мой путь преодоления и восстановления, возможно, кому-то поможет в трудный момент обрести жизнестойкость или убережет от отчаяния. Может быть, руки до конца не опустятся, когда их так важно не опускать, в ком-то укрепитесь толика надежды на благополучный исход, а кому-то, возможно, удастся направить свое драгоценное внимание на действительно значимые аспекты жизни и перестать сокрушаться по мелочам.

Одна из моих знакомых, уставшая бороться с пигментными пятнами на щеке, специально покупала билеты на Параолимпийские игры. По ее словам, она делала это для того, чтобы еще раз в полной мере осознать приоритеты, суметь отличить важное от второстепенного, вдохновиться внутренней силой людей, не заикливаться на мелочах и тем самым не отравлять себе жизнь. Поистине все познается в сравнении.

В процессе восстановления мне очень помогали примеры других людей, я мысленно опиралась на них, и это убеждало и вдохновляло. Мне казалось, что если

кто-то доказал, что невозможное преодолимо, с невыносимым можно справиться, у меня нет основания этому не верить. Если этот человек сумел, тогда и я осилю! Ну не может быть, чтобы я осталась в живых и не смогла восстановиться! Это неправильно, так не бывает, это идет вразрез с моим представлением о жизни. Значит, буду пытаться находить в себе резервы, значит, буду преодолевать отчаяние, где-то идти на риск, но все равно буду стараться проживать именно такую жизнь, которую я хочу проживать, а не такую, на которую меня обрекли.

Помню, как в реанимации, вся перебинтованная, глубоко израненная, без зрения, без особых перспектив на восстановление, и это в восемнадцать лет, казалось бы, куда уже хуже, я почему-то совсем не чувствовала себя обреченной. Я настолько была убеждена в своем возвращении к полноценному образу жизни, что даже выбор такой передо мной не стоял: существовать или жить? Для меня ответ был очевиден. А удрученность и тяжесть состояния преодолевались мыслями о тех, которым, возможно, еще хуже, но они все равно находят в себе силы жить и даже радоваться жизни. Тогда я думала о парализованных людях.

Часто говорят: «Не следует отчаиваться!», «Не нужно падать духом!», «Надо найти в себе силы и мужество преодолеть, выдержать!» — это все понятно и совершенно неоспоримо! Но как это сделать? Вот в чем главный вопрос!

Какие задействовать струны души, волевые качества, ресурсы?! Ведь внутренний настрой и есть тот стержень, на который мы опираемся, в том числе и в процессе физического преодоления.

Силы я черпала во всем: в увиденном, в услышанном, в изучаемом, по крупицам создавая свою жизнь заново. Мотивация выкарабкаться, справиться стимулирует. Жажда жизни помогает, жизнеутверждающая литература, фильмы, искусство убеждают, психология направляет, эмоциональный, физический, интеллектуальный труд лечит.

Но не менее важен и итог преодоления. Если и удастся выйти, то с чем? С окрепшим внутренним стержнем или с израненной сломленной душой? Сохранив любовь к жизни, веру в себя и других, доброе отношение к людям? Или ожесточившись и вынашивая идею мщения?

И тот простой и одновременно очень сложный вопрос: «Для чего?» — будет, наверное, присутствовать в моих размышлениях

всю жизнь. Для чего это все произошло, для чего спасли жизнь, для чего душа, как сосуд, была наполнена и порой переполнена страданиями? Хочется надеяться, что весь этот путь приведет к разумному осмыслению, к созиданию и творчеству, и если не возместит все пережитое, то хотя бы не разрушит меня и мою жизнь.

Каждый раз, случайно натыкаясь на ту или иную программу или статью с искаженной интерпретацией моей истории, я расстраиваюсь до глубины души. Нет смысла и растрчивать свою жизнь на опровержение домыслов, у меня нет такой задачи. Хотелось бы, чтобы эта книга стала рассказом от первого лица, к которому всегда можно обратиться, если у кого-то есть такая потребность и интерес.

Я воспринимаю эту книгу и как своеобразную метафорическую печать — поставив ее, можно было бы окончательно закрыть тяжелое прошлое, о котором, к сожалению, мне периодически безжалостно напоминают, чтобы оно шлейфом не тянулось за мной всю жизнь. Мне очень хотелось бы уже перевернуть эту страницу и заархивировать все прошлые файлы.

После долгих лет кропотливой и неустанной работы с психологом, трудоемкой и глубинной работы души я учусь выходить

на другой уровень восприятия и осознания. Я учусь по крупицам, по зернышкам, по кирпичику создавать свою жизнь заново, принимать свое настоящее, принимать себя нынешнюю и уже в новом качестве, достойно, полноценно продолжать свой путь. Важно суметь убедить себя в том, что сами по себе удары судьбы не лишают человека возможности быть счастливым.

До и после

Человеку, который находится в самом расцвете молодости, с превосходным здоровьем, переполненному всевозможными планами, надеждами, стремлениями, имеющему уже определенные достижения, даже в голову никогда не приходит мысль о том, что в один миг жизнь может прерваться или оказаться на волоске. И главным тогда останется только одно — выжить!

В тот самый день, который, к сожалению, разделил мою жизнь на «до» и «после», мы с подругой решили пойти на море. С той подругой, с которой любили делать утреннюю пробежку на пляже в те школьные годы, которые обычно называют «чудесными». Приучали себя постепенно и до сих пор без смеха не можем это вспоминать. Сложно было вставать на три часа раньше, чем наши одноклассники, но, оказавшись с рассветом на пляже под нежными, но уже

согревающими лучами солнца, ощущая прохладу морского бриза, с румянцем на щеках, пытаюсь отдышаться после пробежки, мы чувствовали, что нет ничего прекраснее созерцания постепенного пробуждения природы. Даже самый сладкий сон, которым мы могли бы еще наслаждаться, не мог сравниться с тем ощущением силы, здоровья, бодрости и свежего воздуха.

Наш утренний бег по морскому побережью стал регулярным. Когда мы приходили в школу, у нас было абсолютное ощущение, что прошло уже как минимум полдня, но, глядя на сонный вид одноклассников, мы понимали, что еще утро.

Вот и в этот раз, хотя школьные годы остались уже далеко позади, договорились вновь пойти на наш любимый пляж. Было начало сентября, этот период принято называть в Сочи бархатным сезоном. Самое прекрасное время, когда уже нет сорокаградусного пекла и уже достаточно прогретая морская вода. «Лето скоро закончится, пора начать ходить на море» — по этой фразе легко можно идентифицировать местных жителей. В сущности, тест на определение местных и отдыхающих очень прост. Если в конце мая — начале июня на улицах города встретятся люди с кожей красного цвета, чуть ли не с ожогом первой степени — то

это точно туристы. Если же в конце августа — сентябре все еще встречаются люди без признаков загара, то это, скорее всего, местные жители, у которых столько работы, столько дел, что им совершенно некогда появляться на пляже. Море для них давно уже стало чем-то обыденным, все равно что тополь или трава за окном у жителей других городов.

Так и мы наконец решили пойти на море, спохватившись, что лето уже заканчивается. Накануне сделав глубокую чистку лица у косметолога, надев солнечные очки, я решила не делать макияж, воспользовавшись только защитным кремом и гигиенической помадой. Я надеялась, что солнце и морская вода, как всегда, окажут свое благотворное влияние на кожу, подарив мне красивый и ровный загар.

Собирая пляжную сумку, я встала перед гардеробом в размышлениях, что надеть. Почему-то я испытала в эту минуту какую-то странную тревогу и опустилась на диван в растерянности.

Мама, проходя мимо, присела рядом.

— У меня какое-то странное чувство, ты куда-то собралась?

— Да, лето-то, мамуль, заканчивается. Надо хоть на море сходить, со Светой договорились. А то потом опять некогда будет.

Мама одобрила нашу прогулку, сказала, что время очень удачное, еще нет пекла, и пожелала нам удачи.

Выйдя из дома, я встретила нескольких знакомых.

Мой путь пролегал через территорию школы, в которой мы столько лет учились. И когда я уже проходила мимо нее, мне встретились две маленькие, очень милые девочки. Очевидно, первоклассницы, нарядно одетые, с белыми бантиками. Я еще отметила про себя: какие хорошенькие, просто куколки! Я заметила, что, переговариваясь, смотрят они почему-то не перед собой и даже не на меня, а прямо мне за спину. В этот момент меня кто-то резко сзади схватил за волосы и вылил на меня что-то обжигающее. Я даже не успела спохватиться, все произошло в одну секунду. Последнее, что я увидела, — чистое, ярко-синее, невероятное красивое небо. И все! Я повернулась назад, но, кроме плотного, почему-то коричневого цвета, ничего не увидела.

Слова, которые существуют в языке, не способны в полной мере описать мою боль. Это было нечто гораздо большее, чем «ужасная» боль, чем «страшная» боль. Это была ни на что не похожая мучительная, никогда ранее не испытываемая мною, невыносимая разъедающая жгучая боль! С каждой

секундой она становилась все сильнее и сильнее, все глубже вонзаясь в тело. Находясь в состоянии шока, я почему-то побежала, не видя куда, и со всего размаха врезалась в какую-то бетонную шершавую стену. Этот удар немного вернул меня в чувство. Я не понимала, что делаю, что происходит, почему побежала, если не видела куда?! Очевидно, таким и бывает измененное состояние сознания человека, оказавшегося в экстремальной ситуации, которое описывают психологи. Нащупывая край этой стены, я попыталась проморгаться, и хотя видела уже мутно, но дорогу разглядела. Машинально побежала в школу, в медкабинет. Ко мне стали подбегать учителя, кто-то увидев следы крови, кто-то услышав призыв о помощи. Я дергала ручку медкабинета, но он оказался закрыт. И тут ко мне подошел человек, которого я не узнала. Как оказалось впоследствии, этот мужчина был новым преподавателем труда. Хочу отдать ему должное и выразить огромную благодарность, которую я неоднократно передавала позже через общих знакомых. Он не побоялся получить ожог, взял меня за руку и повел на первый этаж, попросив закрыть глаза. Он понимал, что я видела все уже очень размыто. Всю дорогу учитель спрашивал меня о том, что случилось. Но

я ничего вразумительного в тот момент ответить не могла. Лишь повторяла одно — я не знаю, кто-то чем-то облил меня.

— Где это произошло?

— На улице, возле школы, — отвечала я.

— Срочно вызывайте скорую и милицию, — велел он тем, кто был рядом.

Когда меня посадили на скамейку на первом этаже, я услышала вокруг близкие, родные голоса учителей, которые преподавали у меня с самого детства. Глаза мне по-прежнему не разрешали открывать. Рядом уже была медсестра, которая сделала мне успокаивающий укол в бедро. Услышав мой голос, преподаватель Ольга Ивановна с ужасом воскликнула: «Эля, это ты?»

Я оторопела, пытаюсь понять, что же произошло, затем с трудом произнесла:

— Да, а что со мной? Я так изменилась, что вы меня не узнаете?

Ольга Ивановна заплакала. Другие преподаватели на нее зашикали, боясь, что я услышу. Но кто-то рядом все-таки тоже не сдержался.

«Боже мой, что же со мной?» — испуганно думала я.

И вспомнила, что рядом находятся два зеркала, в которые мы всегда смотрелись все эти одиннадцать лет. Мне так захотелось подойти к ним. Я сказала о своем желании,

но мне, слава Богу, не разрешили этого сделать. По-прежнему сыпались вопросы: что случилось? Скорой все еще не было, но приехала милиция, и на этой машине в сопровождении преподавателя труда меня доставили в ближайшую больницу. Ощущения усиливались, казалось, что по мне проехал каток и все еще ездит, расплющивая меня. Я чувствовала, будто тонны какой-то жгучей тяжести раздирают меня, словно я расплавляюсь с каждой секундой, сгораю заживо. Это было невыносимо.

Врач, который меня осматривал, не мог сдержаться — ругал на чем свет стоит тех, кто это сделал. Он взял кусочки моей одежды на срочную экспертизу, сделал щелочные примочки. И только позже, заполняя документацию для милиции, спросил, могу ли я предположить, кто это мог быть? Я сначала отрицательно замотала головой, еле справляясь с болью. Но на дополнительный вопрос доктора — «Ну подумай хорошо, может, были какие-то недоброжелатели?» — я вспомнила такой эпизод. Когда я уже собралась выходить из дома, мне позвонила неизвестная женщина, извинилась за беспокойство и сказала, что больше не потревожит, вот только в последний раз хочет спросить, не передумала ли я относительно Г.?